

БУДЬ МОИМ ГАЛИСМАНОМ

Ольга ШЕРСТОВИТОВА

RUGRAM

Москва

2024

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Ш50

Шерстобитова, О.

Ш50 Будь моим талисманом / О. Шерстобитова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 438 с.

ISBN 978-5-517-11468-6

Я прежде не верила ни в любовь, ни в сказки. До них ли, если тебя воспитывает мачеха? Вся моя жизнь — уборка, бесконечная прополка грядок да мечты о свободе. Но однажды в нашу деревню прилетели... драконы. И все изменилось.

Как тут мог очутиться принц? А тем более вспылать страстью к нищенке? Но стоило единожды утонуть в синеве незнакомых глаз, глупое сердечко забилося чаще, и так захотелось поверить в чудо! Вот только разве может что-то подобное случиться со мной?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-11468-6

© Шерстобитова О., 2024
© Северная О., оформление, 2024
© Велейская А., оформление, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ГЛАВА 1

— Драконы! Драконы!

Вихрастый рыжеволосый Енька, шестилетний сын старосты, мчался по улицам, поднимая пыль, и голосил так, что тут же радостным лаем откликнулись все деревенские собаки. За ним спешила остальная малышня, хохоча и визжа, словно с неба сыпались леденцы.

Я невольно подняла голову и всмотрелась в темные тени, кружащие над деревней. Сколько их там? Пересчитала. Надо же, тридцать. И такие красавцы! Крылья огромные, жилистые. И сравнить бы их с теми же, что есть у летучих мышей, да язык не поворачивается. В книге, которую подарила мне матушка перед смертью, есть рисунки кораблей. И паруса на них... точно крылья невиданных созданий. Такие же восхитительные и манящие.

У большей части пролетающих драконов чешуя была красная, с золотым проблесками, и сверкала словно монеты. Трое слепили белизной, будто покрытые инеем, а один — лазурный. Он, наверное, всю синь неба выпил, чтобы приобрести такой невероятный цвет.

Драконы, надо заметить, в наших краях редкость. Они патрулируют границы своего Руанского королевства, уничтожают нечисть и живут в горах, которые я никогда в жизни не видела. Народ лишь сочиняет сказки, насколько там красиво. И озера хрустальные, в которые можно смотреться, как в зеркало, и цветы лазоревые, ароматные.

Я посмотрела, как силуэты драконов тают в безоблачном небе, вытерла лоб, наклонилась и откинула побег выюнка в сторону, с сожалением смотря на веселый голубой цветок. Среди зарослей бобов и гороха он казался чужеродным

и лишним. Но до чего же чудесный! Мне яркий, но неброский выюнок нравится куда больше напыщенных роз, которыми благоухает сад.

Вздыхнула, еще раз внимательно осмотрела грядку, которую полола. Ни дай боги, не замечу сорняка! Да Архара с меня шкуру сдерет. А еще говорят, в сказках мачехи злые. Я скажу больше: в реальности они гораздо хуже.

Стоило подумать, как Архара возникла в дверях дома. Высокая, стройная, словно молодая березка. Глаза — пронзительно-зеленые. Лицо белое, руки, не знавшие никакой работы по дому, такие же. Пожалуй, только я и знаю, какие они сильные, когда держат хворостину, наказывая. Нет в Архаре никакого милосердия и сострадания. А так... первая красавица на деревне. Неудивительно, что мой отец, торговец тканями, овдовев, когда мне стукнуло три года, в Архару влюбился и змеиную душу ее не рассмотрел. Иногда чувства ослепляют. Думал, она станет для меня хорошей матерью, а ему — утешением. Не стала.

Нет, когда мы начали вместе жить, все было хорошо. В доме появилась хозяйка. У отца бойко шла торговля. Мне, едва исполнилось пять лет, наняли учителей. Архара же только мед устами и лила.

Но стоило отцу в первый раз покинуть дом, как на меня посыпалась ругань и побои. За что? Да Архара просто могла такое делать и знала, что ей ничего за подобное отношение не будет. Тогда я этого не понимала, пожаловалась отцу, но он, ослепленный страстью, не поверил. Еще меня и наказал за якобы клевету и неуважительное отношение к мачехе. И в один миг я повзрослела.

Как найти выход в такой ситуации? Я старалась как можно реже попадаться Архаре на глаза, а ее крики и затрешины просто терпела. Уже не жаловалась, знала, что никто не поверит, а если такое и случится — не заступятся. Люди боязливы, в первую очередь думают о себе. Не все, но... большинство. Да и понимала, что защитить меня некому. Это Архара —

любимая жена, а моя мать такой никогда не была. Отец ее взял из-за большого приданого. Об этом шептались те немногочисленные служанки, что надолго не задерживались в доме. А я слушала, кусала губы и плакала ночью в подушку.

Знаю, в деревне слезы считают слабостью, но недавно я поняла, что они же и сила. Почему? Посмотрела на Архару, которая не жалеючи прошлой зимой в лютый мороз выгнала на улицу служанку, ждущую ребенка. Лишив и крова, и жалования. И поняла, что только не испытывая никаких чувств, не будешь плакать. Я не готова такой стать.

Пожалуй, первые два года мне все еще жилось сносно, а вот потом, когда Архара родила двух дочерей, все окончательно переменялось. Отец велел мне помогать побольше по дому, особенно когда он в отъезде. И я старалась. Ночами нянчила малышей, давая возможность мачехе отдохнуть, утром же вместе со слугами готовила завтрак, кормила кур, а потом штопала белье и начищала полы. Работы с каждым днем становилось все больше, недовольство и капризы Архары росли. И тогда мне все это казалось страшной бедой. Но бывает и хуже. Два года назад, едва мне исполнилось восемнадцать, на возвращавшегося домой отца напали разбойники. И в той схватке он погиб.

Так и закончилось все хорошее в моей жизни. Я окончательно превратилась в служанку в собственном доме. Где здесь сказка? Нет ее. В подобных историях обязательно должен быть мужчина, как минимум принц, который спасет меня от всех бед. Но вместо него лишь похотливо смотрящий Густав, сын кузнеца. И сотню раз на дню я слышу, что едва исполнится мне двадцать, отдадут за него нерадивую падчерицу. И хоть вой! Но ничего не изменишь.

Я поднялась, выпрямляя спину.

Сегодня на мачехе белая рубашка с голубым сарафаном, по подолу которого расшиты алые цветы. Наверняка за день, навещая соседей, испачкает, а мне потом стирать. И руки снова до крови сотру.

Прикусила губу и замерла в ожидании распоряжений. А сама невольно залюбовалась на разноцветные ленты в косе, что обсыпаны мелким речным жемчугом.

— Закончила? Воды натаškai да иди кур общипывать, — бросила она, исчезая в доме.

Я побрела к небольшому сарайчику, достала коромысло и ведра, пошла к колодцу. Набрала, подхватила. Тяжелые настолько, что спину ломит, а тут еще и петух под ноги бросился. Оступилась, ведра выронила и, поскользнувшись, упала. Поднялась вся измазанная в грязи, краем глаза замечая мачеху, которая, естественно, вышла на крыльцо и грозно сверкает зелеными очами. Ой, что сейчас будет!

Архара спустилась на одну ступень, и тут послышался мужской смех. Из переулка вынырнуло семеро мужчин в походной одежде — черных штанах и плащах, но в белых, что странно, рубашках. За поясами мечи в ножнах. Волосы у незнакомцев распущены. Нездешние. Аристократы. А кто еще будет так выглядеть? И одежду замарать не боятся, длинные волосы же у нас в деревне только у девиц, мужчины стригутся коротко, лишь небольшие бороды со временем, когда женятся, опускают. И каким боком аристократов сюда занесло? А может, мачеха сейчас пригласит их в дом и нацелится сыскать среди них мужей для двух моих сводных сестер? Хорошо бы! Про меня тогда точно сразу не вспомнит.

Едва они поравнялись с нашим домом, как я узрела гневный взгляд Архары и наклонилась, чтобы подобрать ведра. Поднялась и встретила взглядом с одним из мужчин.

И мир перевернулся, рассыпался на осколки, исчез. Только синь этих глаз, что кажутся бездонными, и осталась. Жарко стало, будто я в огонь шагнула, нагая и беспомощная. И мне бы опустить голову, только сил нет. Да и не спастись теперь. Вернется эта синева глаз во сне, станет тревожить и никогда уже не отпустит.

— Элла! — окликнула мачеха, и ее голос показался карканьем вороны.

Мужчина же неожиданно дернулся, как от удара, резко выдохнул и... пошел ко мне, не сводя своих восхитительных глаз. Так, как я на него смотрела, наверное, кролик на змею таращится. И понимает: надо бежать, потому что все вопит — опасность. И не может. Словно зачарованный, замирает на месте, готовый умереть, но лишь бы немного потонуть в подобной синеве.

Я даже не сразу рассмотрела его внешность, так была потрясена этим взглядом. А ведь мужчина красив, словно принц из прочитанной сказки! У нас в деревне таких и не встретишь. Большинство селян крепкие да могучие, но от их вида не то что благородством не пахнет, даже обычной притягательностью. А этот... Стройный, грациозный, выше меня на полголовы. И чувствуется в нем и невиданная сила, и уверенность, и... опасность. Черты лица немного хищные, скулы и подбородок острые, а губы — тонкие. Прямые волосы спускаются ниже плеч. И такие они черные, словно ночь непроглядная.

Незнакомец подошел совсем близко, медленно опустил передо мной на колени прямо в грязь, не обращая внимания на то, что его одежда испачкалась. Снял с мизинца на левой руке колечко с синим камушком и протянул... мне.

— Обручальное! — удивленно воскликнула мачеха.

Я посмотрела на его дрожащую ладонь и даже не смогла зажмуриться. Он что, меня замуж зовет? Вот так запросто? Пришел, увидел и... Я столкнулась с незнакомцем взглядом, чувствуя, что подкашиваются ноги, а тело горит, плавится от того, как он на меня смотрит.

— Не обижу. Ни словом, ни взглядом. Клянусь.

И от его низкого, чуть с хрипотцой голоса, хочется расплакаться.

Что со мной происходит? Приворот? Наговор? Сглаз? Порча?

И эта протянутая рука, глаза, сверкающие синевой...

Да кого он замуж зовет? Сироту без приданого. И мне вдруг становится невыносимо горько и стыдно из-за своего

заштопанного грязного платья, стертых рук и разбитых коленей.

Я зажмурилась, надеясь, что наваждение исчезнет. Распахнула глаза. Горит синий камень на обручальном колечке. И я вдруг отчетливо понимаю, что сейчас вершится моя судьба. Не возьму я его и останусь в этой беспросветной тьме, вынужденная от зари до заката работать, терпеть тычки да крики мачехи, а потом и замуж выйду... за Густава. Но и взять... Разве можно верить словам да клятвам? Пустые они. А мужчина этот незнакомый ждет, не поднимается.

Мерцает огонек на колечке, лежащем в ладони, манит, зовет, обещая... что? Счастье? Или беду? Я чувствую себя мотыльком, летящим на огонь.

— Элла! Немедленно пошла в дом!

Я вздрогнула от этого крика, снова пропадая в бездонной синеве этих сумасшедших глаз. Выбериай, Элла! Вот тебе шанс изменить судьбу. Только сейчас нужно решать, не мешкая.

— Элла, змея подколодная!

И я протянула незнакомцу свою дрожащую руку.

Он не спрашивал и ничего не уточнял, просто надел колечко на палец и поцеловал ладонь, покрытую мозолями, а потом, тяжело дыша, уткнулся в мои колени.

Я же, растерянная и взволнованная, столкнулась взглядом со спутниками незнакомца. Серьезные, вдумчивые. Мой жених поднялся и улыбнулся. И мир, только что вернувшийся и восстановившийся, снова рассыпался.

— Ах ты, дрянь! Я тебя растила, ночей не спала!

Мужчина, так неожиданно ставший моим женихом, обернулся, нахмурился, снова посмотрел на меня и уточнил:

— Это кто?

— Мачеха.

— Не отдам эту неблагодарную девчонку, змею подколодную! — разорилась Архара, едва ли не выплевывая каждое слово.

Кажется, до нее дошло, что меня сейчас заберут, а бесплатная служанка навсегда из ее дома исчезнет.

— Арий, — позвал кто-то из аристократов, и незнакомец обернулся, посмотрел на своих спутников.

— Да от нее беды одни!

Мачеха все пуще меня кляла, обзывая. И так мне стыдно стало, что захотелось сорваться с места и сбежать от этого подальше. Откажется ведь. Она ему сейчас такого насочиняет... И Арий, как и все остальные, поверит. Что же я натворила! Архара меня со свету сживет, когда он уйдет.

Арий обернулся, посмотрел в упор на мою мачеху, щелкнул пальцами и... она упала, как подкошенная. Он что, еще и маг? Поймал мой испуганный взгляд и спокойно сказал:

— Я — дракон.

Мухоморы в горошинку!

Да они ж... Да он...шутит?

Арий неожиданно прижал меня к себе и снова прошептал:

— Не обижу.

И сердце у него под моей ладонью колотится так же сильно и быстро, как и у меня. А пахнет дракон необъяснимой предгрозовой свежестью. И в этот момент меня совсем не волновало, что неприлично девушке обниматься с мужчиной.

— Какие-то вещи забрать хочешь? — спросил Арий.

И осознание того, что обратного пути нет, сама согласилась и выбрала, никто не принуждал, заставляет меня дрожать. Это навсегда. Уеду отсюда и не вернусь.

— Не обижу, — снова прошептал дракон, явно понимая, что я чувствую.

Я осторожно выпуталась из его рук, посмотрела на дом, из которого вышли две служанки, помогающие с уборкой, да сводные сестры. Мачеха уже пришла в себя, поднялась и гневно сверкала глазами, не осмеливаясь проронить хотя бы слово.

И что мне отсюда забирать? Из одежды пара старых платьев да...

- Книга, — сказала я.
- Хорошо, — с облегчением выдохнул Арий.
- Неужели боялся, что я передумаю?
- Сама сходишь или мне с тобой...
- Сама.

Я на негнущихся ногах подошла к крыльцу, поднялась, заставив сводных сестер от меня шарахнуться, как от привидения, и открыла дверь в дом. Добралась до своей коморки под чердаком, села на тюфяк и попыталась прийти в себя. Снаружи раздавались голоса, но слов я разобрать не могла.

Снова поднялась, умылась, достала простое, но чистое платье, переделалась и переплела косу, перевязала раненные колени. Так, а теперь книга. Спустилась в кабинет отца, зная, что она там, и едва нашла, прижала к себе.

Во дворе снова послышалась ругань. Значит, мачеха все же не побоялась Ария и, судя по всему, других драконов. Это плохо. Это очень-очень плохо. Голос Архары неожиданно послышался совсем близко. Через мгновение она влетела в кабинет, достала из шкафа резную шкатулку и поставила передо мной на стол.

- Вот, забирай, др...

Раздался щелчок, и мачеха схватилась за горло, будто кто-то ее душил. В дверях стоял Арий.

- Бери, — сказал он.
- А это что? — нашла я.
- Часть приданого твоей матери, — прошипела Архара. — Забирай. Все равно этот ларец не открывается.

Что бы там ни было, мне это не принадлежит. По всем законам королевства приданое отдается жениху, а потом и мужу. Молодец он, что скажешь, требовал положенное. А я-то размечталась, будто на меня позарился. Глупая, ду-мала, ему я нужна.

И мачеха хоть и злится, а это понимает, отчего еще горче и обиднее.

